

«ТАК МНЕ ПРОРОЧЕСТВУЕТ ЛИРА...»

Николай Зиновьев из Кореновска сегодня – один из самых талантливых поэтов России. Это подтверждают его новые книги: «Сборник стихотворений» (Краснодар, Традиция, 2016) и «На Родине» (Фирма Ирбис, Ростов-на-Дону, 2016). В них он продолжает, как он сам считает и как бывает обыкновенно у истинных поэтов, *исполнять некое поручение*, данное ему свыше. Продолжает исполнять старательно, последовательно и достойно, ибо «Такое мнение бытует. Поэт лишь пишет. Бог диктует». В этом смысле эти, очередные книги поэта, пожалуй, мало чем отличаются от его предшествующих многочисленных книг. К тому же по условиям нынешнего положения литературы в обществе, многие стихотворения он вынужден переносить из книги в книгу. Но есть повод окинуть хотя бы самым общим взглядом путь поэта. В этом году исполняется тридцать лет его творческой работы. Тридцать лет назад в 1987 году в Краснодарском книжном издательстве вышла его первая книжка стихотворений «Я иду по земле». Уже с этой книжки было ясно, что в нашу литературу пришёл талантливый самобытный поэт.

Замечательный поэт Сергей Хохлов, возглавлявший Краснодарскую писательскую организацию как-то рассказал мне о том, как он познакомился с поэтом Николаем Зиновьевым. Он прочитал его стихотворение «Меня учили: люди – братья...». Это стихотворение всего в две строфы так его взволновало, что он закрыл «контору» на замочек и поехал знакомиться с Поэтом. Да, были такие писательские организации, такие их секретари и председатели, были такие поэты, которые могли не только встречать друг друга «надменной улыбкой», но и искренне радоваться появлению талантов.

*Меня учили: «Люди – братья,
И ты им верь всегда, везде».
Я вскинул руки для объятия
И оказался на кресте.*

*Но с этих пор об этом чуде
Стараюсь всё-таки забыть.
Ведь как ни злы, ни лживы люди,
Мне больше некого любить.*

Чем же так взволновало это стихотворение? Думается, той духовной высотой, которая в нём была задана, от которой мы начали отвыкать. Ведь это извечное стремление истинно верующего человека – распознать и пойти тем крестным путём, который ему предназначен, «Найти себя в себе самом и не терять из виду» (А. Твардовский). Неизбывное стремление, постигаемое русской поэзией. Скажем, в стихах А. Блока:

*Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалет гроздь, –
Когда палач рукой костлявой
Вобьёт в ладонь последний гвоздь, –*

*Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте...*

Будь это в иные времена я отметил бы мировоззренческое становление и духовное восхождение Николая Зиновьева. Но он явился как-то сразу, без особого ученичества. И потом, весь этот тридцатилетний период жизни и творчества поэта совпал с казалось бы немислимым и невозможным, тем более у нас в России – изъятием литературы из общественного сознания и изгнанием её из образования. Совпал с подавлением литературы «рынком», к ней вообще неприложимом. Когда вдруг, подумать только, литература стала делом «личным» или «частным»... А потому всё, что он делал в эти годы – писал, издавал книги – он делал не благодаря, а вопреки ситуации в обществе, когда оказалось, что русская литература для полного торжества «демократии» и «либеральных» ценностей, вроде бы и ни к чему. Более того, являлась главным препятствием для этого. Впрочем, в таком положении оказались все истинные поэты. Но у Николая Зиновьева есть своя особенность. В этом смысле его творческая судьба является в высшей мере примечательной и поучительной.

И тут мы должны различать само состояние литературы, обществу остающееся, по сути неведомым, потопляемое «рынком», забиваемое валом откровенных книжных поделок, которых следовало бы стыдиться. И – положение литературы в обществе определяемое информационно-издательской политикой, неизвестно кем и как устанавливаемой – то ли незримым «общественным мнением», которое беспощаднее регламентированной законом цензуры, то ли тем, что государство, точнее «либеральная» власть отказалась заниматься литературой. Причём отказалась демонстративно, как бы в надежде на сочувствие, что такова, мол, объективная реальность, время «такое», словно это варварство могло вызвать сочувствие... Так, при всех интернетах, была создана блокада русской литературы. Появление новых талантов стало, по сути, невозможным. Старшее же поколение довольствовалось давно потускневшими ампула «деятелей культуры», приобретёнными в советское время, когда литература жила в общественном сознании.

Такое положение казалось непреодолимым. И всё же Николаю Зиновьеву удалось прорвать эту информационную блокаду, устроенную русской литературе. Причём, казалось, без каких бы то ни было усилий с его стороны. Да и трудно представить такие усилия, так как по самому складу характера человеком «деловым» и «предприимчивым» что ли, его уж никак не назовёшь.

Помнится, когда совершалась «демократическая» революция, её идеологические бойцы, «шестидесятники» попытались было вытащить из столов «запрещённые» рукописи. Как понятно, для «разоблачения» советского периода истории. Но таковых рукописей, по сути, не оказалось. Всё было издано и щедро

оплачено. А теперь думается о том, что за четверть века литературного безвременья у нас сложилось целое поколение поэтов, уже достигших почтенного возраста, но мало читающей России неизвестное. Кто и когда будет их открывать? И будет ли открывать вообще... Между тем, как поколение граждан, не знающее своих поэтов, впрочем как и родной литературы, обречено...

Что же привлекало и привлекает в афористических, кратких стихотворениях Николая Зиновьева? Обличительность? Негодование в связи с окружающими нестроениями и беспорядками? Ничтожность переустроителей жизни? Да нет. Обличителей у нас всегда хватало. Таких однообразных и плоских. Он обличает несправедливость не саму по себе, крепко помня о том, что она – уже только следствие иных, главных нестроений – духовных, следствие пошатнувшейся души, заблудившейся в безверии: «Разгулялась бесовщина, Заколдобила наш путь», «Не сатана ли сам уже в стране бесчинствует неистов?..», «Во имя благостных идей Ложь торжествует, блуд ярится...». Ну а самонадеянным переустроителям жизни, опять и снова на революционных началах он и вовсе не ко двору: «Не переделывай эпоху, Оставь работу эту Богу».

И выход из этой смуты видит не в каких-то благих свершениях, а в заботе о собственной душе: «Господь, вопрос мой разреши. Он вызывает опасенье: Что если Родины спасенье В спасенье собственной души?»

*Я за словом лезу в душу,
Но не чью-то, а свою.
Это больно, очень больно,
Как свои считать грехи.
И поэтому невольно
Коротки мои стихи.*

В отличие от многих «православных» писателей Николай Зиновьев исполнен истинного смирения. Глубоко понимая, что православие – это вовсе *не тема* поэтического творчества, а его свойство:

*Я жертва дьявольской эпохи
И рай не светит мне, увы,
Но я пишу. Пишу о Боге.
В надежде, что спасётесь вы.*

Николай Зиновьев покориł читателей не упованием на «новую литературу», помня о том, что «несовременного искусства не бывает» (А. Блок). Если, конечно, это искусство. Но – с установкой на «классическую лиру», вполне осознавая как это «несовременно», наконец, как это невыгодно в обществе, в котором создаётся индустрия «новой литературы», выращивания «новой» плеяды писателей. Разумеется, «либеральных» исключительно...

*Я взял классическую лиру,
Безмолвна каждая струна.
Играть не хочет лира миру,
Которым правит сатана.
Кто из поэтов не философ?
И мне мир нынешний не мил.
И я поставлен пред вопросом:
Сменить мне лиру или мир?*

У Николая Зиновьева много стихов о стихах, для читателя, как принято считать, вроде и не обязательных. Ведь мы сегодня так уклонились от природы художественного творчества... Наше представление об образном мышлении оказалось так заслонённым позитивистскими и материалистическими воззрениями, что и само высокое предназначение поэта стало пониматься превратно. Как служба, а то и как обслуга, а – не служение. Потому теперь и надо об этом напоминать постоянно: «Это тоненький рожок, Петь его не приневолишь...».

*Что хотите услышать, друзья?
Если правду, то правду – нельзя.
Её лик в наше время так жуток,
Что за вас опасаясь рассудок.
Вы готовы к такому словью?
Не такого вы ждали поэта?*

*Но, поверьте, лишь только любовью
Продиктовано свыше мне это.
Но а если вы всё же решите,
Что пришёл я не с теми словами.
Я уйду. Вы лишь только скажите,
А любовь пусть останется с вами.*

Как это – «правду – нельзя»? Но это ведь обычное положение русского поэта – брать на себя боль открывающегося мира. Как, скажем, в стихах Я. Полонского: «...Ложь, всем явная наивно лицемерит, где робкое добро себе пощады ждёт, а правда так страшна, что сердце ей не верит...».

И всё же, как думается, поэзия Николая Зиновьева оказалась столь близкой и необходимой современным читателям потому, что он, как и должно поэту, удерживает «вниманье долгих дум» (А. Пушкин). А это думы о Родине, о России, о нашей народной судьбе. Ведь сегодня, может быть, как никогда встаёт вопрос о том, почему *миру необходима* великая Россия. Как уже было давно: «Это Россия, это её необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена» (А. Пушкин). Как было всегда: «Мы, как послушные холопы Держали щит меж двух враждебных рас Монголов и Европы» (А. Блок). Так в XX веке Россия сдержала натиск Запада, и спасла мир от фашизма. На той войне был мой отец Иван Ефимович. Раненым, но вернулся живым. И родился я. У Николая Зиновьева на той Великой войне, в 1942 году, погиб дед Александр Кондратьевич Соболев.

*Давно по миру слух ползёт,
В умах родившись не в убогих:
Россия скоро упадёт.
Не веселитесь наперёд!
Коль упадёт – придавит многих.*

*А может статья, что и всех.
Что кроме мокрого следа
Тогда останется от мира?
Молитесь лучше, господа,
За нашу Русь, а то – беда.
Так мне пророчествует лира.*

Такой поэт неудобен переустроителям мира на революционных началах и их идеологическим пособникам. А потому в его стихах усматривается слишком много печали, поэт-де слишком часто пишет о грехе и о зле...

В 2010 году к пятидесятилетию поэта, при поддержке администрации Краснодарского края вышел внушительный том стихотворений Николая Зиновьева «Круг любви и родства». В золотом теснении, как издают классиков. К этому тому была предпослана статья Валентины Ефимовской из Санкт-Петербурга «Гражданин несуществующей страны», умаляющая и даже унижающая поэта. Почему «несуществующей»? Да, в девяностых годах было такое поветрие, когда смена общественной формации и режима были приняты за гибель России: «России нет... Не надо возмущённых И гневных фраз А истина проста: Есть горстка душ искусно разобщённых. Давным – давно не помнящих родства...» (С. Хохлов). И у Н. Зиновьева есть стихи об этом. Но это состояние его персонажа, о чём свидетельствует отчаянье и горькая ирония. Выводить из этого концепцию для характеристики творчества поэта, вынося её в название статьи, нет никаких оснований:

*Эх, закачу-ка я штанины,
Несите ноги, вы вольны,
Куда хотите гражданина
Несуществующей страны...*

*Ну что же, нет страны и ладно.
Выходит кончилось кино.
Зато пока ещё прохладно
В бутылке терпкое вино...*

Но особенно достаётся поэту за его веру. К примеру, В. Ефимовская пишет: «Вызывает недоумение прямая речь от имени Бога». Это почему же она вызывает недоумение? Надо полагать, что тем самым поэт «кощунствует». Но разве в русской поэзии ничего подобного не было? Вспомним хотя бы стихотворение М. Лермонтова «Когда надежде недоступный...», в котором есть именно прямая речь от Бога:

*Тогда молитвой безрассудной
Я долго Богу докучал.
И вдруг услышал голос чудный
«Чего ты просишь? – он вещал. –
Ты жить устал? Но я ль виновен?..»*

Так что для объяснения своеобразия творчества Н. Зиновьева вовсе необязательно было привлекать философию Хайдеггера. Для этого надо просто знать и любить русскую поэзию.

А то и вовсе поэту отказывается в вере. Он, пишущий о грехе, сам объявляется в греховности: «Отраднo, что поэт нетерпим ко греху. Но всё-таки остаётся вопрос, сомнение. Почему у православного поэта не возникают мысли о возможности христианского преображения грешной души». Но это же неправда, так как поэт являет нам глубоко христианское понимание мира. Не догматически, и не декларативно... Вполне понятно зачем это делается. Для того, чтобы представить Н. Зиновьева неким маргиналом. Пишет же В. Ефимовская, что он поэт – *части народа*, «которую он любит и для которой пишет». Что это за «часть народа» и откуда она взялась? Не думаю, что автор провела опрос библиотек края, чтобы узнать, каков именно его читатель. А это значит, что делается совершенно произвольное допущение для умаления поэта...

Что же касается «несуществующей» России, то Николай Зиновьев находится в той традиции, которая с такой мощью выражена в стихах А. Блока: «Приюти ты в даях необъятных, как и жить и плакать без тебя»:

*Идут века, шумит война,
Встаёт мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна
В красе заплаканной и древней.*

Или в стихах А. Передреева, которым уже скоро полвека (журнал «Москва», № 3, 1971 г.):

*Свети как прежде надо мною,
Не оставляй меня, луна...
Не станет прошлою странною
Моя прекрасная страна!
Не верь, когда обступят тени,
Что там в мерцанье трав и вод,
Она живёт во мгле видений
И мёртвый водит хоровод...*

Поэт остаётся поэтом, так как пишет без оглядки на «общественное мнение» или «веление времени». Ему диктует Бог, вдохновение и его пророческая лира.

*Не сатана ли сам уже
В стране бесчинствует, неистов?
Но тем достойнее душе
В такой грязи остаться чистой.
Держись, родимая, держись,
И не спеши расстаться с телом.
Крепись душа! В России жизнь
Всегда была нелёгким делом...*

Пётр ТКАЧЕНКО

Фото Татьяны Ткаченко

г. Москва – станция Старонижестеблиевская Краснодарского края